

Прошло несколько дней, чудовищные по смыслу и сути несколько дней. Напряжённость боя немного угасла. Даже раздражающий ревун Реалистов наконец-то заткнулся. Настало утро, до которого многим не суждено было дожить. И обязательно люди погибнут сегодня. Вот только где пан, а где вошь, о которых неустанно говорил Освальд Q16, побеждённый Машей и друзьями?

Всего силы скрабблера после того, как одиннадцатилетняя девочка подложила людям Луи Максвелла свинью(вернее, анимкада расы пепп), Маше пришлось использовать один раз, чтобы материализовать ракетку. Когда Реалисты убедились, что большая часть трёхмерных людей покинула здание, они пустили снаряд. Девочка, словно что-то предвидя, крикнула:

-Леонай-леонай, мой рисунок - оживай!

В одночасье над домом возникла гигантская ракетка для тенниса, которая отбила снаряд. Он, просвистев, улетел далеко и надолго, взорвавшись где-то в лесу.

-Пятнадцать очков нашей команде. - сказал Карим.

-Очень смешно. - ответила ему Маша. - Ты разве не понимаешь, что мы все можем погибнуть?

Девочка ещё раз окинула свои закрома - запасов хватало ещё как минимум на пару дополнительных призывов, не говоря уже о целой стопке агитплакатов и жуткого существа, нелепо срисованного оттуда. Но возникли трудности с дальнейшими ресурсами, которые надо было извести ради победы над убийцами, возмнившими себя спасителями человечества. Рисовать было нечем и не на чем: были изведены даже использованные школьные тетради. Пополнить бумагу и письменные принадлежности, чтобы продолжать рисовать материал, необходимый для ритуала, во время боевых действий трудно. Способов три: либо мародёрствовать(но Маше казалось, что всё уже стащили - в последнее время начали красть медный кабель, который плохо лежал), либо попытаться ограбить пыльный обоз с гуманитарной помощью(которую не факт, что привезут) - там иногда попадаются всякие мягкие игрушки, бельё кружевное, бижутерия, колготы и прочие отголоски мирной жизни, либо искать разного рода эрзацы: поля газет, обратные стороны пропагандистских листовок, старые визитки, уголь, гуталин, кирпич...

...

-Удивительно, что наш дом ещё стоит. - сказал Барсик, выглянув в выбитое окно и почерневшее от копоти, от которого тянуло последними проблесками летней жары. Стена дома осыпалась, а в соседней квартире была видна дырка от снаряда, который отказал. В проёме была видна оторванная нога, над которой учинили пиршество наглые, надоедливые мухи. В городе практически не осталось ничего благоухающего или хотя бы в какой-то степени живого: везде всё обугливалось, тлело и рушилось. Огонь ещё где-то тлел, видимо, от тоски по самой гуще боя. Женщины уже не выли волчьим голосом: видать, у них уже не осталось слёз. Сражение велось вдалеке от Машиного кагала, откуда доносились редкие выстрелы. Двор тоже был задет войной: на месте ссак, гаражей и сигаретных бычков осталась лишь яма. Оставалось только

воздать хвалу мистериу Наживке, что снаряд немного не долетел. Дверь подъезда была выломана, безнадежно валяясь на краю пропасти - будто её откуда-то стащили маленькие дети, чтобы съехать на ней с горы в крещенские морозы.

-Может, Реалисты ждут, когда продудит дуделка? - спросил Карим.

-Прошу, не шути про дуделку. - сказал Барсик. - И так всё гнильё да прореха. Зачем мы только ехали сюда?

-Угодили, сука, в горячую точку. - сказала Шпатель.

-Меня вот удивляет одно на самом деле. - сказала Маша.

-Что именно?

-Вокруг люди гибнут, а мы смеёмся и чуть ли не просим ещё. - заявила девочка.

-Есть такое дело. - сказал Шнурок. - Пир во время чумы - единственный шанс спастись. - дополнил анимкад-сусло без пятна под глазом.

И тут Маша задумалась: а что же такое война, в которую они вляпались?

На самом большом расстоянии война - сухой факт. Мы ведь не беспокоимся о том, какие кланы в конголезской жопе друг друга режут и какие феодалы кого нагибали в жопе средневековой?

Чуть поближе - повод для гордости или национальной обиды.

Ужас войны, вся её боль видны, если шагнуть ещё ближе, но не подступая вплотную.

А что будет, если прижаться вплотную?

Рутина.

И это самое страшное.

В эпицентре боя весь кошмар войны превращается в рутину, становясь из острой боли тяготящейся. Хуже того, отдельные люди считают, что тогда, когда небо горело и брат на брата поднимался, люди были отзывчивей! И это не бездушные машины, не идейные фанатики и не кровожадные садисты. Это самые обычные люди, которых мы видим каждый день, каждый час, каждый миг... Неужели кровь товарищей очистила их души, а горнило страха сожгло всю грязь, обнажив сверкающее, незамутнённое золото?

Что-то похожее Маша наблюдала сейчас. Ей было одиннадцать лет, и она, когда-то изучая для проекта в классе биографии детей войны, думала, что война в её жизнь не ворвётся. Но она ворвалась. И ей уже нечего было бояться, нечего было терять - кроме своих друзей. С остальным человечеством точки соприкосновения сдирались - сначала она покинула своих родителей, теперь она свыклась с мыслью, что может в любой миг потерять дядю.

Если Реалисты убивают её друзей и родственников за связь с "эджи", чтобы защитить человечество, то пусть оно лучше окочурится, если за его "выживание" берут столь высокую цену!

А ещё она беспокоилась за Алеко. Просто в перспективе кормить его было нечем - разве что мертвечиной, если удастся отбить её у ворон и выживших из ума стариков. Собачий корм у них водился, но во-первых, его запасов хватит в лучшем случае на месяц, а во-вторых - Шнурок как-то проболтался, что им хорошо, по его мнению, закусывать херес. Если война затянется, то Алеко придётся сожрать самим, чтобы не околеть с голодухи, не брезгуя даже тем, что он полипейнт, а не трёхмерный пёс. Вот только как его приготовить? Китайцы в этом всегда были мастера - можно сказать, они в буквальном смысле съели в этом деле собаку, но проблема была в том, что среди Машиных друзей китайцев не водилось - только рязанцы да евреи. И тележопик. Но за неё сто баллов социального кредита и таинственное существо "кошка-жена" не дадут, потому что она может поймать запрещёнку и фаервол на 30-30 не поставлен.

Да и в Китае тоже, по слухам, жопа...

Где-то мелькнула мысль по поводу предстоящей зимовки в разбомбленном городе. Если не повезёт дожить до зимы. Тут остаётся надеяться только на мистера Наживку. Точнее, и на него надеяться не стоит: по местным учениям, он благословляет дорби и только дорби. Ну, ещё гейтерам, если они внесут щедрое пожертвование лидеру общины.

Радовало только одно: анимкадов и скрабблеров сломить не удалось. Более того, Реалисты понесли большой урон, оставив надежду победоносно въехать в оккупированный анимационными кадаврами Барнаул на танках в первый же час. Но у них ещё оставались козыри в рукаве...

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1903998>